

С. Бутурлин.

О книге: Г.Э. Иоганзен.

Птицы Семиречья и Туркестана,
собранные экспедицией
проф. В.В. Сапожникова в 1902г.

Томск 1908г.

НОВЫЯ КНИГИ.*)

Г. Э. Юганзенъ «Птицы Семирѣчья и Туркестана, собранныя экспедиціей проф. В. В. Сапоженкова въ 1902 г.»; съ 2 таблицами. Томскъ, 1908, 8^о, 36 стр.

Этотъ новый трудъ энергичнаго работника, въ дѣлѣ изученія птицъ Томскаго края и прилегающихъ странъ, весьма интересенъ. Описываемая коллекція состоитъ изъ 220 экз. птицъ 116-ти формъ. Изъ нихъ нѣсколькимъ формамъ авторъ даетъ новыя названія, какъ до него не описаннымъ въ наукѣ. По поводу этой стороны работы автора я позволю себѣ поговорить подробнѣе.

Вводить въ науку понятіе о новомъ видѣ или подвидѣ, увеличивать и безъ того перегруженную именами и запутанную орнитологическую синонимику новымъ терминомъ—есть дѣло серьезное. Разъ сдѣланное утвержденіе повторяется за первоначальнымъ авторомъ въ систематическихъ и фаунистическихъ сводкахъ и справочникахъ, получаетъ права гражданства, служитъ основаніемъ для дальнѣйшихъ выводовъ и обобщеній зоогеографовъ, біологовъ и другихъ ученыхъ, которые, конечно, вправѣ ожидать, что люди, приготовляющіе для нихъ матеріалъ, люди, берущіеся обогащать науку новыми формами,—дѣйствуютъ съ должной осмотрительностью и знаніемъ дѣла.

Какимъ же требованіямъ должны удовлетворять описанія новыхъ формъ?

Во-первыхъ, они должны быть основаны на достаточномъ матеріалѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отличія новой формы могутъ быть столь рѣзки и многочисленны, касаясь и величины, и строенія, и характера и цвѣта окраски, что можно рѣшиться дать имя даже по одному-двумъ экземплярамъ. Но такіе случаи теперь, конечно, становятся рѣдки, т. к. обычно описываются уже животныя не новыхъ родовъ и видовъ, но лишь подвиды или географическія расы извѣстныхъ уже видовъ. Тутъ различія бываютъ такъ тонки, что ихъ крайне легко смѣшать съ чисто личными, возрастными или сезонными колебаніями окраски, и потому нужно имѣть пять-шесть, а то и дюжину экземпляровъ по крайней мѣрѣ для дѣйствительнаго установленія различій.

*) «Наша Охота» Февраль, 1909 г.

Во-вторыхъ, матеріалъ долженъ быть выбранъ надлежащимъ образомъ, т. е. сравнивать надо птицъ: самцовъ съ самцами же, молодыхъ съ молодыми, весеннее перо съ весеннимъ и т. д., — или же быть вполнѣ хорошо знакомымъ со всѣми стадіями нарядовъ даннаго вида. Сверхъ того, для сравненія нужно, конечно, брать прежде всего именно типичную форму даннаго вида, иначе и наличность различія ничего не даетъ для вывода.

Въ-третьихъ, въ настоящее время — и совершенно основательно — отличеніе мѣстныхъ расъ ведутъ такъ далеко, и описано ихъ такъ много, и отличія ихъ столь трудно уловимы, — что по однимъ литературнымъ источникамъ врядъ ли возможно себѣ составить сколько-нибудь ясное представленіе о любомъ сколько-нибудь измѣнчивомъ видѣ, и потому для уясненія дѣйствительнаго значенія и распространенія отличаемой новой формы и въ особенности для надлежащаго описанія дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ только ея особенностей, — весьма важно имѣть личное знакомство съ большинствомъ формъ этого вида, и съ близкими видами, иначе весьма трудно имѣть надлежащее знаніе того, какіе именно признаки, въ предѣлахъ данной группы, являются діагностическими.

Наконецъ, четвертое и весьма важное требованіе: чтобы описаніе давалось достаточно подробное, точное и ясное, чтобы въ немъ подчеркнуты были какъ тѣ признаки, которые устанавливаютъ принадлежность описываемой формы именно къ данной группѣ или виду, такъ и признаки, выделяющіе ее и отличающіе отъ всѣхъ другихъ формъ или расъ этой группы.

Требованія эти, конечно, легко исполнимы лишь при большихъ коллекціяхъ, для провинціальнаго же работника весьма затруднительны, но это уже вопросъ совершенно другой.

И вотъ, обращаясь къ описаніямъ многоуважаемаго Г. Э. Йоганзена, приходится сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ требованій не всегда имъ соблюдены, какъ это будетъ видно изъ нижеслѣдующаго.

На стр. 25—26 описывается семпрѣченская совка, подъ именемъ *Pisornina scops bascanica*, по одному экз., взр. ♂ добытому 20 апрѣля у с. Басканъ. Сравнивался этотъ экземпляръ съ парой птицъ изъ Далмаціи (типичными собственно надо считать сѣверо-итальянскихъ птицъ), при чемъ авторъ забываетъ указать *даты* дамацкихъ экз.; между

тѣмъ еще Науманнъ говоритъ о сезонныхъ колебаніяхъ окраски этихъ птицъ, и на экземплярахъ своей коллекціи я вижу, что весенніе (у меня—мартовскіе) экз. имѣютъ темный рисунокъ болѣе рѣзко выраженнымъ, чѣмъ осенніе (августовскіе). Не этимъ ли объясняется одинъ изъ діагностическихъ признаковъ басканскаго экз.?

Затѣмъ, другой признакъ—незначительное развитіе рыжаго налета на нижней сторонѣ тѣла—индивидуаленъ, какъ я вижу по двумъ своимъ Сардинскимъ экз., убитымъ съ промежуткомъ всего въ двѣ недѣли. А мой экз. изъ типичной мѣстности (Сѣв. Италія, Флоренція)—почти совсѣмъ лишенъ внизу рыжаго налета.

Далѣе, указывая на отличія своей семирѣченской птицы отъ далматской *Scops* (или *Pisorhina*) *scops* L. и отъ закаспійской *S. s. turanica* Loudon, авторъ упоминаетъ о томъ, что въ восточной Европѣ (Сарепта, Оренбургъ) водятся еще двѣ формы, одна темная («*P. s. pulchella* Pall.») и другая блѣдная («*P. s. Zagudnyi* Tsch.»), но ни словомъ не упоминаетъ о томъ, почему именно онъ считаетъ свой семирѣченскій экз. за отличный отъ одной изъ этихъ формъ, географически болѣе близкихъ къ Семирѣчью, чѣмъ Далмація. Между тѣмъ мы имѣемъ дѣло не съ предварительнымъ сообщеніемъ, а уже съ окончательнымъ описаніемъ.

Говорю я все это потому, что совки, насчитывающія въ одномъ этомъ родѣ, *Scops*, до восьмидесяти вполне хорошо отличимыхъ формъ, являются весьма трудной группой, и задача каждаго автора—не усложнять и затруднять, а облегчать для другихъ знакомство съ обрабатываемыми имъ группами и формами. Но я вовсе не хочу опаривать дѣйствительнаго существованія особой семирѣченской совки. Наоборотъ, въ описаніи есть одинъ признакъ, хотя и не подчеркиваемый особенно авторомъ, который заставляетъ меня думать, что дѣло идетъ объ очень *хорошо* выдѣленной формѣ. Авторъ говоритъ «плечевыя не свѣтло-бурая, какъ у европейскихъ, а каштановаго цвѣта».

Правда, у всѣхъ европейскихъ совокъ (Сардинія, Сѣверная Италія, Боснія, Южная Россія, Закаспійская обл.), которыхъ я видѣлъ, плечевыя или лопаточныя перья не были свѣтло-бурыми, но, какъ и остальная верхняя сторона, дымчато-сѣрыми съ черно-бурыми стержневыми полосками и бу-

рыми мелкими волнообразными поперечными черточками, съ разнообразнымъ (иногда почти отсутствующимъ, иногда довольно сильнымъ) рыжеватымъ налетомъ, и бѣлыми, отбѣненными охристымъ, вѣшними опахалами, съ черными кончиками на вѣшнемъ краю всей партіи. Но во всякомъ случаѣ ни одна изъ извѣстныхъ до сихъ поръ расъ совокъ не имѣетъ *каштановыхъ* плечевыхъ, такъ что это является прекраснымъ отличіемъ.

На стр. 20 Г. Э. Юганзенъ описываетъ туркестанскую просянку по тремъ самцамъ отъ 24 мая съ устья р. Кастека, дѣлая мнѣ честь назвать ее моимъ именемъ (*Emberiza salandra buturlini*). Авторъ отличилъ ее путемъ сравненія съ Сардинскими и Канарскими экз. (опять таки не указывая датъ послѣднихъ, хотя просянка значительно измѣняетъ наружность по сезонамъ). Но канарская просянка за свою темную окраску уже въ 1903 г. отличена въ качествѣ особой формы (*E. s. thalneri* Tsch.), да и Сардинія — не типичная страна для этой птицы: типичными являются Шведскія просянки. Такимъ образомъ дѣйствительно ли туркестанская просянка блѣднѣе типичной — все еще остается вопросомъ, хотя, судя по словамъ Хартерта («Vög. Pal.» р. 167), это и возможно. Второе же, указываемое авторомъ, отличие — длинный хвостъ (77—79 мм у туркестанскихъ птицъ) —

если бы всегда находилась на немъ одна и та же форма, то можно было бы назвать ее черезъ посредство Г. Юганзена орнитологическую синонимичку. Что сказалъ бы самъ Г. Э. Юганзенъ, если бы гдѣ-нибудь было опубликовано слѣдующее:

«Во время своей Колымской экспедиціи я неоднократно слышалъ отъ туземцевъ, будто въ верхней части бассейна Колымы встрѣчается, хотя и рѣдко, крупный дятель зеленого цвѣта. Если это окажется справедливымъ, то птица эта весьма вѣроятно будетъ отличаться отъ извѣстнаго уже *Cecinus canus regallidus* Stejn. юго-восточной Сибири значительно большею опушенностію плюсень и основанія клюва, а потому будетъ желательнымъ отличать ее въ качествѣ особаго подвида, который и можно было бы назвать новымъ именемъ *C. canus subsp. nov.*». Что сказалъ бы объ этомъ Германъ Эдуардовичъ?

Я знаю, что обычай давать такія провизорныя имена на всякій случай — широко распространены, но это есть зло съ (самецъ 29 июля, дол. Юй-гасъ, Джаркент. у.), но съ сочетаніемъ такихъ особенностей, что предположить индивидуальную

варіацію трудно. Общая окраска очень блѣдная, клювъ чрезвычайно длинный, 19 мм. по хребту, на концахъ рулей бѣлыя наствольныя пятна.

Столь же основательно, хотя тоже по одному экз., описываетъ Г. Э. Юганзенъ на стр. 10 — 12 весьма интереснаго ремеза (*Anthoscopus ssp. arshnikowi*, самецъ отъ 2 мая, оз. Балхашъ на западъ отъ Каратала). Это крупная птица (крыло 57, хвостъ 51.5, хребетъ клюва 10 мм.) съ массивнымъ и широкимъ клювомъ и длиннымъ первымъ маховымъ перомъ (на 4 мм. длиннѣе кроющихъ кисти). Особенности окраски состоятъ въ томъ, что лобъ, уздечка и бока головы черны, коричневатѣе на ушныхъ партіяхъ, темя (въ данномъ, весеннемъ, обношенномъ перѣ) ржаво-каштановое со слѣдами бѣлаго, затылокъ сливочно-бѣлый; каймы маховыхъ бѣлыя, кроющихъ крыла — ржавыя, по концамъ большихъ кроющихъ рѣзкая и довольно широкая бѣлая полоса; горло и подхвостье чисто бѣлы, остальной низъ сливочный съ неясными блѣдно-рыжими центрами перьевъ груди. Авторъ даетъ и цвѣтной рисунокъ (В. И. Лукина въ Томскѣ) этой интереснѣйшей птицы.*)

Наконецъ, на стр. 3 авторъ описываетъ *единственный* экземпляръ синяго дрозда (самецъ, Буамское ущелье, 27 мая), сравниваетъ его съ *однимъ* европейскимъ экземпляромъ (Далмація), находитъ *единственное* мелкое отличие (нѣсколько большая стройность клюва у туркестанской птицы) — и создаетъ на этомъ основаніи новое имя («*tenirostris*»!)

Я не буду уже подчеркивать шаткость этого основанія, хотя единственный взрослый экз. изъ Европы (Сардинія) моей коллекціи по строенію клюва ближе къ туркестанскому, чѣмъ къ далматинскому экз. Г. Э. Юганзена: я предположу на минуту (т. к. это вполне возможно, хотя пока не доказано), что туркестанская птица дѣйствительно отлична. Значитъ ли это, что слѣдовало бы выдумывать для нея новое имя? Замѣчу, что для меня кажется весьма возможнымъ, что «*Turdus solitarius*» Линнея (1758 г.) основанъ именно на восточныхъ экз. настоящего синяго дрозда, а не на рыжебрюхой формѣ, какъ это теперь обычно принимается. Не имѣя пока возможности провѣрить цитаты Линнея изъ древнихъ авторовъ, я

*) После написанія этого отзыва изъ осмотра большой серіи ремезовъ я убѣдился, что длина первого маховаго весьма варьируетъ даже въ предѣлахъ одной формы.

пока не буду настаивать на этомъ своемъ предположеніи. Но вѣдь надо еще имѣть въ виду, что, судя по всеѣмъ имѣющимся даннымъ, туркестанскіе синіе дрозды зимуютъ въ Индіи, гдѣ эта птица не гнѣздится, а индійскимъ особямъ давно уже даны отдѣльныя названія («*Petrocincla pandoo*» Sykes 1832 г., «*P. affinis*» Blyth 1843 г.). Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ и съ очевидностью, названіе «*tenuirostris*» является лишь бесполезнымъ синонимомъ.

Но въ данномъ случаѣ есть еще и другая, и — по моему — болѣе серьезная сторона. Дѣло въ томъ, что Г. Э. Юганзенъ озаглавливаетъ свою статью о туркестанскомъ синемъ дроздѣ такъ: «4) *M. cyanus* (Linn.). — *Каменный дроздъ синій*». Слѣдовательно, не отличаетъ его отъ типичной европейской Линнеевской формы. Оканчивается же эта коротенькая (полъ страницы) статья такъ:

«Если окажется, что указанные особенности являются постояннымъ признакомъ, характернымъ для туркестанскихъ синихъ дроздовъ, ихъ слѣдуетъ выдѣлить подъ особымъ названіемъ, какъ подвида, который предлагаю назвать *tenuirostris subsp. nov.*».

«Если окажется»... ну, а если *не* окажется, то куда дѣвать напечатанное чернымъ по бѣлому имя «*tenuirostris*»? Вѣдь въ *Zoological Record* оно будетъ приведено безъ «если», и навсегда будетъ обременять и безъ того чрезмѣрно длинную орнитологическую синониміку. Что сказалъ бы самъ Г. Э. Юганзенъ, если бы гдѣ-нибудь было опубликовано слѣдующее:

«Во время своей Колымской экспедиціи я неоднократно слыхалъ отъ туземцевъ, будто въ верхней части бассейна Колымы встрѣчается, хотя и рѣдко, крупный дятель зеленого цвѣта. Если это окажется справедливымъ, то птица эта весьма вѣроятно будетъ отличаться отъ извѣстнаго уже *Cecinuscyanus perallidus* Stejn. юго-восточной Сибири значительно большею опушенностію плюсень и основанія клюва, а потому будетъ желательнo отличать ее въ качествѣ особаго подвида, который и можно было бы назвать новымъ именемъ *C. cyanus subsp. nov.*». Что сказалъ бы объ этомъ Германъ Эдуардовичъ?

Я знаю, что обычай давать такія провизорныя имена на всякій случай — широко распространенъ, но это есть зло, съ которымъ нужно бороться. Дѣлается это единственно для того,

чтобы легкимъ образомъ закрѣпить за собою «пріоритетъ» названія, — цѣль не достаточно серьезная, чтобы оправдывать вредный обычай. И мнѣ кажется, что необходимо будетъ на одномъ изъ международныхъ зоологическихъ конгрессовъ поднять вопросъ о приравненіи такихъ провизорныхъ названій къ «*nomina pida*» и «*nomina musealea*», которыя теперь игнорируются въ наукѣ.

Дѣйствительно, описаніе можетъ быть прекрасно или очень плохо, отличеніе новой формы основательно или совершенно произвольно, даже основано на грубой ошибкѣ, — но во всякомъ случаѣ это должно быть новое имя, *bona fide*, даваемое авторомъ формѣ, считаемой имъ за новую. Но можно ли считать технически «новымъ именемъ», «описаніемъ новой формы» тѣ случаи, когда самъ авторъ ихъ безъ обвиняковъ указываетъ намъ, что онъ самъ вовсе еще не считаетъ даннаго животнаго «новой», отличимой формой, а только дѣлаетъ *предположенія о возможности* этого.

Это мнѣ напоминаетъ постановленія нашего гражданского процесса. По Уставу Гражданскаго Судопроизводства противъ документовъ можно заявлять какъ «*сомнѣніе въ подлинности*», такъ и прямой «*споръ о подлогѣ*», съ различными юридическими послѣдствіями. Но законъ совершенно резонно прибавляетъ, что противъ *собственной своей* подписи отнюдь нельзя заявлять сомнѣнія въ подлинности, но только споръ о подлогѣ. Основанія такого ограниченія самоочевидны. Итакъ, можно ли считать серьезно вводимыми въ науку такія «описанія новыхъ формъ», въ отношеніи коихъ самому автору приходится тутъ же заявлять «*сомнѣніе въ подлинности*» своего собственнаго творенія?

И помимо перечисленныхъ выше новыхъ формъ работа Г. Э. Юганзена заключаетъ много весьма интересныхъ данныхъ. Напр. находеніе малаго пелекана (*P. roseus* Gm.) на Балхашѣ, «памирскаго» зуйка (*Ochthodromus pygmaeothorax* Temm.) на р. Ирташъ, и въ особенности пуховаго птенца серпоклюва (*Jbidorhynchus struthersi* Vig.) на р. Куэлю, 21 іюня. Правда, еще въ 1897 г. пуховикъ эготъ былъ описанъ по Кашмирскому экз., но Г. Э. Юганзенъ даетъ гораздо болѣе обстоятельное описаніе и цвѣтной рисунокъ.

Такимъ образомъ эта новая работа уважаемаго автора весьма интересна и не мало прибавляетъ къ нашимъ познаніямъ о птицахъ сѣверной части Туркестана.